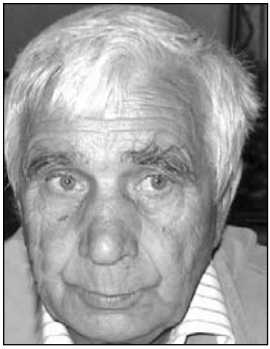

***Эдуард Константинович Анашкин** родился в 1946 году в городе Хилок Читинской области. Окончил сельскохозяйственный техникум, историко-филологический факультет Ульяновского педагогического института им. И.Н. Ульянова. Автор публикаций в журналах «Наш современник», «Воин России», «Роман-журнал. XXI век», «Сибирь», «Сура», «Подъём», «Дон», «Родная Ладога». Лауреат премий им. Н. Гарина-Михайловского, В. Шукшина, Всероссийской литературной премии «Имперская культура». Живет в селе Майском Самарской области.*

Эдуард Анашкин

ГОРЕЧЬ И ЛЮБОВЬ

(Новая книга Станислава Куняева)

Редко кто из поэтов патриотического направления избежал в своем творчестве внутреннего диалога с одним из самых харизматичных русских авторов, ставшим для нескольких литературных поколений символом непримиримости к подделкам под русскую литературу. Я говорю о Станиславе Юрьевиче Куняеве. Он — человек-эпоха, сколь высокая в своих лирических прозрениях, столь же горькая в публицистических размышлениях.

Недавно я стал обладателем книги Станислава Куняева «К предательству таинственная страсть...», в которой речь идет о вечной интеллигентской склонности к измене! Настолько вечной, что уже говоря «интеллигент» мы подразумеваем — либерал и как следствие — предатель.

Станислав Куняев посвятил продажности интеллигенции печальные главы-эссе своей литературоведческой книги, осмысливая путь падения творчества в бездну сиюминутной материальной выгоды. По сути — продажи творческого первородства за сытную чечевичную похлебку. Эта книга нужна вовсе не тем, о ком и на примере чьего жизненного пути она написана. Им, как говорится, уже не помочь. Она написана для будущего, это — книга-предостережение молодым небесталанным авторам о том, что будет, если творческое первородство ставить ниже чечевицы.

Станислав Куняев

В наши дни военной спецоперации либеральная интеллигенция проявила себя во всей красе, кинувшись спасать от русской угрозы столь обожаемую Европу, частью которой якобы является бывшая советская республика Украина. Посмотришь и вспомнишь классика: «Чем либеральней, тем они пошлей». То бьются в истерике, что им стыдно быть русскими, — хотя приглядеться, так по национальности, за редким исключением, ни разу не русские. То призывают за мир, а на деле за замалчиваемую трагедию фашистского расчеловечивания русских людей, виноватых лишь в том, что они живут на Украине.

Вечная оглядка на заморскую «княгиню Марью Алексевну», непонятная русскому поэту, пишущему для своего народа, привела в итоге к творческому краху не одного западо-ориентированного литературного поколения. Читаешь книгу «К предательству таинственная страсть...» и все более укрепляешься во мнении: она написана как бы на вырост нам, читателям. С грустью порой думаю, что ведь эта книга останется надолго актуальной для литературы России, только фамилии будут в ней меняться. Не секрет, что последние десятилетия у нас всячески стараются вытравить из литературы любой намек на социальность. Во главу угла поставлено личное — некое «самовыражение автора». То есть общественное сводится к частному. Однако главная задача русской литературы еще со времен бессмертной классики была прямо противоположная. Наши старые писатели учили читателя видеть в частном — общественное, находить в трагедии «маленького человека» трагедию огромного количества людей. Вспоминаются слова классика аварской литературы Гамзата Цадаси, сказавшего сыну, будущему известному аварскому поэту Расулу Гамзатову, на тот момент еще начинающему автору: «Если ты поэт, то ты должен чувствовать и видеть так, как чувствует и видит твой народ». Народность литературы — забытое ныне словосочетание! А ведь от него еще во времена, когда о народности не говорил лишь немой, были безнадежно далеки многие персонажи книги Станислава Куняева. Вроде и немало книг по истории литературы XX века я прочитал, но признаюсь, что многие факты о жизни и творчестве всяких «детей Арбата», этих писателей, приведенные в книге, потрясают своим цинизмом. И совсем иначе начинаешь смотреть на тех, кто считал себя шестидесятниками и «дворянами Арбатского двора». Понимаешь, что за пределами московского Садового кольца эти люди, позиционировавшие себя русскими писателями, ничего не видели и не желали видеть.

Книга пронизана не только обличительной горечью, но и грустным осознанием того, как порой разводит по враждебным лагерям вчерашних коллег и даже приятелей разное отношение к России. Вроде бы очевидно, что пишущий человек однажды непременно понимает, что литература сама по себе, оторванная от духа народного и от любви к народу, становится пустым словоблудием, которое не спасут никакие красивые слова, модные ритмы, оригинальные рифмы.

Советское время, о котором сейчас все мы так или иначе ностальгируем (и писатели здесь не исключение), конечно, было временем расцвета любви народа к литературе. Тиражи книг исчислялись сотнями тысяч, а то и миллионами экземпляров, книги были в дефиците, поэтические сборники расхватывались с полок

книжных магазинов в считанные часы, писатели были властителями дум сограждан... Но не будем забывать, что литература была не только инструментом осмысления жизни, но и частью официальной советской идеологии. То есть существовали запретные темы, которые советским литераторам поднимать в своем творчестве было нежелательно. Скажешь правду о нищете русской деревни — вмиг тебе припишут очернительство со всеми вытекающими... Тем не менее, русские писатели, призывая на помощь весь свой художественный дар и эзопов язык, старались донести до читателя правду. Прорывались сквозь запреты цензуры пронзительными строчками и стихами... А в это время либеральные литераторы, дети всяких «оттепелей», всеми силами налаживали, как умели, связи с боготворимым ими Западом — об этом немало сказано в книге. За редким исключением ориентированные на «общемировую культуру», они жили по столицам. То писали оды Ленину, то ехали на поэтические фестивали за границу, где, ясное дело, оды Ленину предпочитали не читать. И как будто параллельно жизнью народа, для которого и творили, жили по провинциям Николай Рубцов и Василий Белов, Валентин Распутин и Евгений Носов, Виктор Астафьев и Николай Палькин... Словно некая высшая сила не пускала их в столицу, где собирали шумные толпы в Политехническом музее и на стадионах их московские коллеги, частые гости на телевидении и на радио. И так эти две ветви литературы — русская по духу и русскоязычная по исполнению — существовали отдельно друг от друга и практически не пересекались.

Феномен Станислава Куняева заслуживает особого внимания. Волею судьбы и силой характера парнишка из калужской провинции жил географически рядом с избранной кастой шестидесятников. Был уважаем ими, хотя порой и ненавидим. При этом остался собой, не изменив русской глубинке и написав именно о ней лучшие свои стихотворения.

Непонятно, как можно покинуть
Эту землю и эту страну,
Душу вывернуть, память отринуть,
И любовь позабыть, и войну.

Нет, не то чтобы я образцовый
Гражданин или там патриот —
Просто призрачный сад на Садовой,
Бор сосновый да сумрак лиловый,
Темный берег да шрам пустяковый —
Это все лишь со мною уйдет.

Все, что было отмечено сердцем,
Ни за что не подвластно уму.
Кто-то скажет: «А Курбский? А Герцен?» —
Все едино я вас не пойму.

Я люблю эту кровную участь,
От которой сжимается грудь.
Даже здесь бессловесностью мучусь,
А не то чтобы там где-нибудь.

Синий холод осеннего неба
столько раз растворялся в крови,
Не оставил в ней места для гнева —
Лишь для горечи и для любви.

Вот этими горечью и любовью, а вовсе не гневом, продиктована книга «К предательству таинственная страсть...» Любовью к родному русскому простору и горечью от того, что не все твои коллеги, хотя именуются русскими писателями, разделяют эту любовь.

Географически Станислав Куняев — столичный писатель. Но духовно и душевно он остался певцом и печальником русской глубинки. Сильный характер и корневой талант помогали Станиславу Юрьевичу успешно воевать за русское слово и русский дух на московской территории. В одной из книг он написал о том, что идеологические оппоненты удивлялись его мужеству и стойкости, ведь противостоять очередному либеральному наскоку ему приходилось порой практически в одиночку. Разгадка непобедимости Куняева, лежавшая на поверхности, была им, с их отношением к России, неведома. Когда ему становилось невмоготу от столичной жизни, он уезжал в свою родную Калугу и там, на малой родине, набирался от родной земли сил для будущих литературных баталий. Пока еще были живы его друзья-соратники Вадим Кожинов, Анатолий Передреев, Юрий Кузнецов, думаю, Станислав Куняев не ощущал свою одинокость в среде, где ему выпало жить и работать. Однако и с уходом из жизни единомышленников он не утратил боевого духа, который одинаково блистательно проявлялся и в его стихотворениях, и в его публицистике, и в его подвижнической работе главного редактора лучшего литературного журнала России «Наш современник», верного пушкинским заветам.

Книга «К предательству таинственная страсть...» уникальна тем, что ее автор предстает в ней бесстрастным и бесстрашным осмыслителем эпохи. Неуклонное стремление быть объективным по отношению к тем, о ком написана книга, сильно выделяет ее из череды документально-публицистической мемуаристики, которая, как правило, отмечена печатью вкусовщины и имеет привкус сведения счетов. Куняев стремится быть предельно объективен — вне зависимости от того, симпатичен ли ему лично человек, о котором идет речь, или приязни своими какими-то поступками не вызывает.

Думаю, для многих, кто сегодня нет-нет да и взгрустнет ностальгически по временам «шестидесятников», такая книга станет откровением. Заставит на многое посмотреть иначе, переосмыслить свои взгляды. Без такого переосмысления не будет у России и у нас будущего. Если мы сочтем предательство и презрение к Родине нормой, о каком будущем можно говорить? На какие только ухищрения они, эти либерал-литераторы, не шли — почитайте в предлагаемой книге, вас ждут не очень приятные, но нужные открытия. Когда уж тут о народе русском было им думать? Для того «мужичья» есть Рубцов да Распутин и прочие, им подобные...

Об объективности книги, стремлении максимально понять такое явление, как шестидесятничество и его корни, наиболее показательно говорят эссе о Борисе Слуцком, об Игоре Шкляревском — писателях, к которым Станислав Куняев не скрывает своей приязни, потому что с этими людьми его связывали годы если не дружбы, то дружества.

Совершенно согласен со Станиславом Юрьевичем, что «литература в России — это вторая религия». «Пушкин — наше все». Именно Пушкин, хотя Россия щедра на гениев в самых разных сферах человеческой деятельности. Но именно Пушкин стал наиболее полным выражением народного духа. А ведь это даже на бытовом уровне отражается. Наверняка каждый из вас слышал в детстве от родителей ироническое: «А кто за тебя уроки делать будет? Пушкин, что ли?» А уж коли литература — вторая религия, то значение книги переоценить нельзя. Скажу крамольную вещь, которую бы не должен говорить человек верующий. Но литература, может быть, не вторая, а первая религия в России, потому что религий в России немало, а литература одна, хоть и многонациональная. А предательство начинается со слова. Потому надо быть внимательным к словам, они — предтечи поступков.

Литературное поле России — вечное поле битвы за чистоту души, языка, помыслов. И на этом поле битвы нужны опознавательные знаки «свое-чужое», что-

бы не принимать чужое за родное, а врага за соратника. Порой цитируем слова, что предают только свои. Но если предал, то не был своим никогда, просто слепо его принимали за своего! В посвящении на титульном листе книги Станислав Юрьевич написал мне, что она создавалась в течение всей его жизни. И действительно: в ней собран огромный документальный материал, который, быть может, и не осилить в полной мере с первого прочтения. Книгу «К предательству таинственная страсть...» надо не просто читать и не просто перечитывать. Она заслуживает того, чтобы стать настольной, и поможет избежать многих искушений на литературном пути, сохранить верность себе и русской литературе. Поможет в выборе единомышленников, в умении видеть «чужих» по их словам и поступкам.

Бог судил Станиславу Юрьевичу Куняеву жизнь насыщенную — полную сражений на литературных полях и полях истории, высекавшую из его души прекрасные стихи, которые мы часто цитируем и которые поддерживают наш дух в непростое время. Книга «К предательству таинственная страсть...» — гражданский поступок, на который способен не каждый поэт.

□ □